

Рауль Ванейгем

Инструкции к мятежу

1960

Если разговоры о революции кажутся несколько нелепыми, то это из-за того, что, очевидно, организованное революционное движение давно уже не существует в современных странах, где сконцентрированы возможности решительных социальных трансформаций. Но все альтернативы еще более нелепы, так как они подразумевают принятие существующего порядка тем или иным способом. Если слово «революционный» было нейтрализовано до такой степени, что его стало возможно использовать в рекламных целях для обозначения небольшого нововведения на постоянно меняющемся рынке, скажем, бытовой химии, то это исключительно потому, что речь о возможности глобального централизованного желаемого изменения больше не заходит. Сегодня революция предстала перед лицом исторического суда: ей предъявлено обвинение в провале, в том, что революционный процесс всего лишь зародил смуту, так ни в чем и не реализовавшись. В свете изложенного невозможно не сделать вывод о том, что сила у власти доказала свою способность к самозащите на всех уровнях много лучше, чем ожидали революционеры. И не сказать, что революционеры на этом успокоились.

Суть вопроса состоит в том, что революцию необходимо переизобрести. Это создает ряд проблем, которые нам придется теоретически и практически разрешить в последующие несколько лет. Мы можем вкратце упомянуть нескольких из них — те, которые необходимо в срочном порядке понять и разрешить. Из тенденции к перегруппировкам, которая проявилась в последние несколько лет, стоит оставить только наиболее радикальные течения, те, что основываются на программах рабочих советов. Также не следует пренебрегать тем фактом, что многие смутьяны пытаются втянуть себя в полемику (посмотрите, какое единство царит в последнее время среди «левых» философско-социологических журналов различных стран).

Наибольшая трудность противоборствующих групп, пытающихся создать новый тип революционной организации, состоит в том, чтобы создать новые типы человеческих отношений внутри самой организации. Внутриобщественные силы оказывают подобным попыткам массивное сопротивление. Если же мы этого достигнем (методами, с которыми еще надо экспериментировать), нам никогда не удастся уйти от формальной политики. Требование посильного участия в процессе от каждого члена общества часто эволюционирует в не более чем абстрактную, идеальную картину, тогда как на самом деле это абсолютная практическая необходимость для создания концептуально новой организации. Даже если представители закона больше не являются простыми исполнителями решений, принятых хозяевами их организации, они в равной степени рискуют быть пониженными до роли созерцателей тех «среди своих», кто является профессионалом от политики; таким образом, воспроизводятся отношения инертности старого мира.

Творчество, созидание в людях, их участие можно разбудить и привлечь лишь при помощи коллективного проекта, касающегося всех без исключения

аспектов жизни и прошлого опыта. Единственный способ поднять массы — в полной мере показать потрясающий контраст между возможным, потенциальным, укладом жизни и существующей бедностью. Без критики повседневной жизни революционная организация будет восприниматься не иначе как отдельная, оторванная от реальности среда, так же условно, пассивно, как, например, воспринимаются загородные дома отдыха, ограниченные территориально, расположенные на отдаленном участке земли, куда возможно уезжать на время, на выходные. Социологи, такие, как Анри Раймон в своем труде «Palinuro», показали, что в подобных местах на уровне игры возникает особый род взаимоотношений, некая доминанта отношений в обществе в целом. Потом социологи начинают наивно нахваливать «множественность межличностных контактов», упуская из виду тот факт, что само количественное увеличение объема таких контактов делает их пресными и сомнительными, как в повседневной жизни. Даже в самой либеральной и антииерархической революционной группе общение между людьми существует не только из-за общей политической программы. Социологи поддерживают попытки изменить повседневную жизнь, компенсировать ее отдыхом. Но революционный проект не приемлет традиционного понятия «игры», игры, проистекающей с ограничением по месту, по времени и по количеству ее участников. Революционная игра — воспроизведение жизни — противостоит всему опыту прошлых игр. Для того чтобы обеспечить трехнедельный отдых после сорока девяти рабочих недель, загородные дома отдыха используют убогую полинезийскую идеологию, немного напоминающую воззрения идеологов Французской революции, представлявшим дело рук своих Древним Римом времен республики, — или же базируются на идеологии современных революционеров, которые относят себя к тому или иному революционному течению на основе наибольшего соответствия понятию о большевиках или представителях другого революционного течения. Революция в современной жизни не может черпать поэтику из прошлого — только из будущего.

Опыт незаполненного деятельностью пустого отдыха, порожденный современным капитализмом, привнес критическую корректировку в понятие, введенное Марксом, — понятие «увеличения времени на отдых»: сейчас очевидно, что полная свобода времени требует, прежде всего, трансформации рабочего времени и пересмотра работы как таковой с точки зрения цели, для которой она делается, в условиях, абсолютно отличных от условий, в которых проистекает принудительный труд, до настоящего времени наиболее распространенный (см. материалы по деятельности групп «Социализм или варварство» во Франции, «Солидарность» в Англии и «Альтернатива» в Бельгии). Но те, кто делает упор на необходимость изменить саму работу, а не цель или рационализировать ее, заинтересовать в ней людей, те, кто не принимает в расчет понятие свободного содержания жизни (например, создание материально подкованной созидательной силы вне традиционных категорий

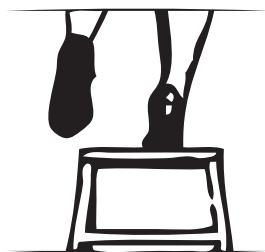
рабочего времени и времени на отдых), рискуют создать идеологическую «обложку» гармонизации существующей производственной системы, что приведет к большей продуктивности и прибыли без анализа опыта подобного производства и необходимости подобных изменений в сторону собственно увеличения продуктивности и прибыли. Свободное конструирование, планирование всего пространственно-временного строя жизни индивидуума — вот высшая цель в противовес любым мечтам о гармонии в умах честолюбивых реорганизаторов существующего социального уклада.

Некоторые моменты деятельности ситуационистов возможно понять лишь в перспективе возникновения революции в будущем, революции как социальной, так и культурной, с затрагиванием изначально много более широкого спектра областей, нежели все прошлые попытки революций. Ситуационисты не вербуют учеников или партизан, а стремятся объединить людей, способных делать революцию, участвовать в ней любым способом без боязни быть заклеенными. Это означает, что нам следует отказаться не только от возможного остаточного налета направленного театрального действия, но и от профессиональной политики, особенно от участия в процессе довольно малочисленных «интеллектуалов от революции» с налетом постхристианского мазохизма. Мы не утверждаем, что сделаем революцию исключительно собственными силами. Мы говорим о том, что теоретическая база, программа формирования революции, в один прекрасный день может встать в оппозицию существующей системе и что нам придется в этой оппозиции участвовать. Что бы ни стало с каждым из нас, новое революционное движение будет создано только с учетом всего вышеизложенного, что можно в двух словах сформулировать как переход от старой теории ограниченной перманентной революции к теории всеобщей перманентной революции.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Рауль Ванейгем
Инструкции к мятежу
1960

Сохранено 1 февраля 2012г. из revsoc.org